

Анна Ефименко

Английская лаванда

Анна Ефименко

Английская лаванда

ИД «Флюид ФриФлай»

2016

УДК 84-44-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ефименко А.

Английская лаванда / А. Ефименко — ИД «Флюид ФриФлай», 2016

ISBN 978-5-906827-26-5

«Английская лаванда» – роман о дружбе. Дружбе разрушенной и возродившейся, дружбе, в каждом возрасте человека раскрывающейся по-иному. Это история трех молодых людей, связанных общими детскими воспоминаниями, но избравших себе в дальнейшем разные амплуа и окружение. Сложные перипетии в жизни персонажей, настроения в государстве накануне Первой мировой войны, личные характеристики – все это держит в напряжении до последней страницы книги. А детали эдвардианского быта, прописанные с поистине ювелирной четкостью, воссоздают в повествовании романтический и овеянный ностальгией мир «старой доброй Англии».

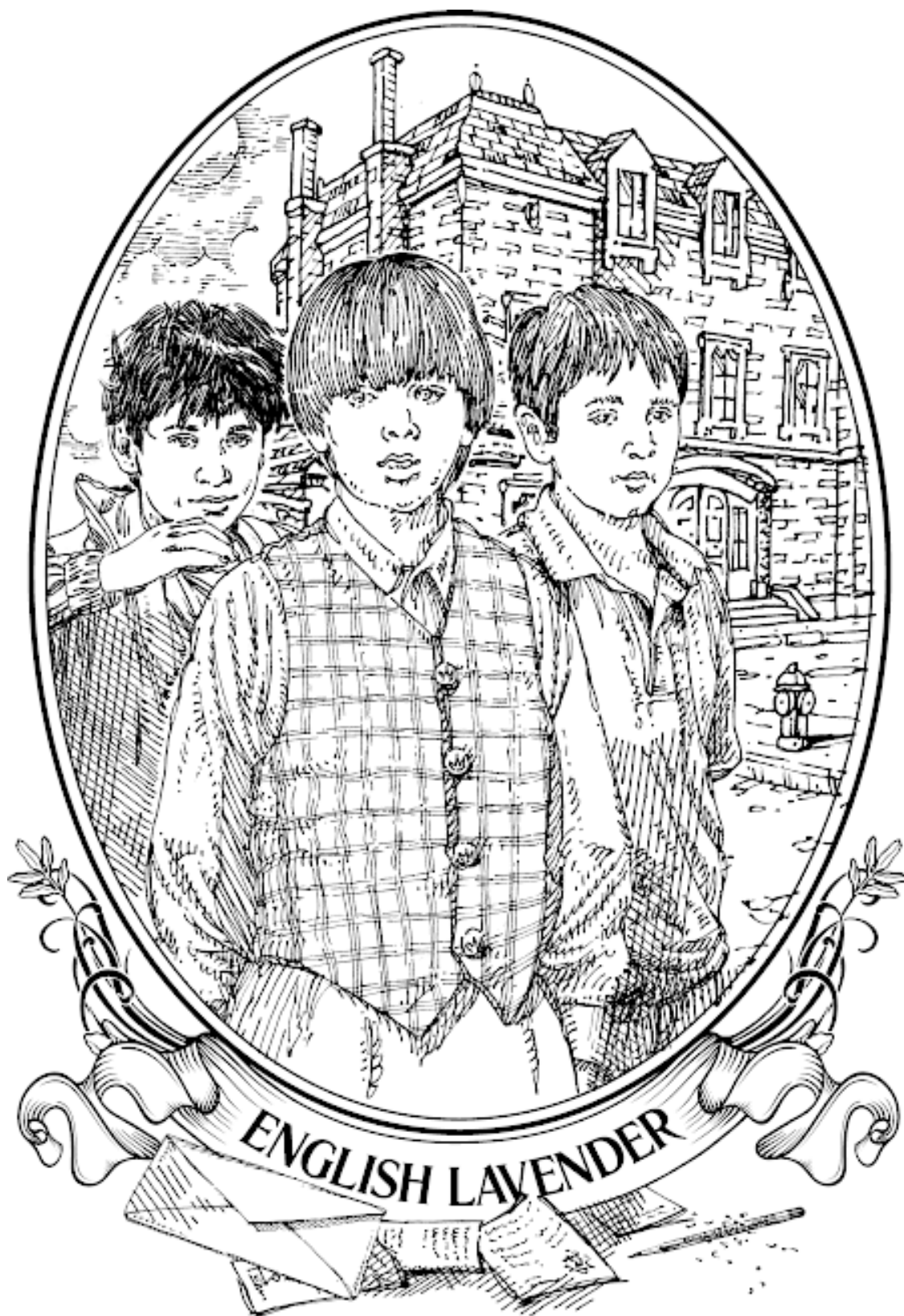
УДК 84-44-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-26-5

© Ефименко А., 2016
© ИД «Флюид ФриФлай», 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Ефименко
Английская лаванда

В ярость друг меня привел —

*Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.*

*Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.*

*Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.*

*Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим¹.*

(У. Блейк, «Древо яда»)

*Благодарности
Эдварду Моргану Форстеру, моему любимому писателю,
Алексею Анатольевичу Сокову, моему супругу,
Наталье Юрьевне Сиропар, моему другу.*

© Ефименко А., 2016

© ИД «Флюид ФриФлай», 2016

Глава 1

Ирис

(значение: «Дружеская поддержка»)

«Дорогой Клайв!

А кто такой садовник по большому счету? То ли крестьянин, то ли огородник, то ли тело на лужайке. Ты говоришь, сад – место пограничное, загадочное, встречающее всякой нечисти и фольклорным существам, видать, оттого, что границу эту ощущаешь острее моего. Для крестьянина все слитно.

Ты теперь мне будешь письма повестями писать? Дожили! Чтобы узнать, как дела, валяй в книжную лавку «У последнего фонаря», принимай письмо через десятые руки, сквозь зоркий редакторский глаз, да стеклянный глаз микроскопа-корректора, да через картонные коробки, перетянутые пенькой, которую нащипали бедолаги в Редингской тюрьме, выпрашивай у любопытного продавца, а дома уж надейся, что оказался не в числе последних, кто прочитал.

Клайв, у нас тут странные вещи происходят. Власти то и дело грозятся вырубить лес под застройку жилых районов для рабочих. Тисы и могильные сосны могут исчезнуть, если этот план осуществится. Речки, где мы катались на лодке в твой первый приезд, больше нет, после чудовищного наводнения, когда прорвало вторую плотину, поток воды хлынул по холмам вниз и затопил берега. Мост, по которому дедушка водил тебя ко мне в Блэкторн, снесло.

Думаю, тебе будет интересно об этом услышать. Дождь лил всего неделю, но казалось, будто сотню дней. Температура снизилась. У нас во дворе образовалась большая лужа. Пришлось огораживать крыльцо особым материалом, чтоб в дом не залилась вода. А во дворе мы с братом организовали свою личную Венецию. Брали доски и катались наперегонки, отталкиваясь от земли хоккейными клюшками или молотками для крокета. Тем

же методом пользовались все остальные члены семьи, когда хотели добраться до парадного входа в дом.

Наступил такой предел, когда плотина на втором озере начала рушиться. В тот раз городским правлением было принято решение укрепить ее. Мимо Блэкторна носились грузовики, полные грунта. В итоге плотина была укреплена ровно наполовину. Пришла вода и забрала с собой наше детство, Клайв, с лодками, удочками и посиделками на летней кухне.

Эспланада. Так называют широкую ровную местность перед крепостью. Вот во что теперь превратился прежний водоем: в эспланаду. А крепость и есть мой дом, высится над опустевшей чашей бассейна, поросшей камышом да молодыми ивами.

Ты пишешь-пишешь в каждой книге об этом человеке, о Мередите, но я очень расплывчато представляю его. Долговязый по тогдашним меркам, вспыхнувший золотыми прядями, с черными глазами, в которых то и дело мелькало что-то порочное, присущее подросткам старше. Мы только единожды шлялись втроем, томились непонятно чем, вдоль торговой площади, где ты хотел купить пластинок, в эти края их привозили раз в полгода, а из Америки, наверное, и вовсе впервые. «Джентльмены, обратите внимание на новые записи!» Твой Мередит, блондинистая каланча, пришел в восторг от викторовского логотипа с фокстерьером, внимательно приклеившись мордой к граммофону. Еще однажды ты черкнул мне пару строк, засвидетельствовавши большое событие: некто «М.», закадычный друг отсюда, надоумил тебя окончательно и бесповоротно посвятить жизнь искусству. Большие о Мередите добавить нечего, ибо большее мне неизвестно. Но ты же о том самом желтоволосом пишешь, я верно понял? «Мистер Ренегат», роман о провинции, все дела. Ваши отцы были дружны со студенчества, он нарек тебя своим названным братом.

Клайв, я тут насобирал кое-чего: мята, хвоц, таволга, боярышник с пустырником, шиповник и корень валерианы. Все из собственного аптекарского уголка. Если зальешь сито такой россыпи кипятком, успокоишь нервы в вашем грохоте и шуме. Не устает каждый раз отвечать на одни и те же вопросы? «Вы из предместья? Как это повлияло на ваше творчество?» Даже я уже знаю наизусть, что они у тебя спросят. Говоришь, будто предместье обеспечило тебя идеальной писательской биографией, но признайся, тоска одолевает, вспоминая меловые утесы у моря? Или уже нет?

Ладно, хватит словоизлияний. Мне бы еще птенцов покормить, кликнуть псов домой. Погоды стоят загляденье просто. Если ухитрюсь поставить точку ближайшие минуты, не стану дергать Алека, единственного оставшегося из слуг в моей берлоге, чтобы принес керосиновую лампу. Успею прогуляться до почты и отправить этот сундучок прямо сегодня. В прошлый раз ты долго не отвечал, мы с твоим папашей совсем уже потеряли тебя. Кстати, до сих пор иногда вижу его, он задумал высадить грецкие орехи у себя на участке, представляешь! Не забывай нас тут.

С наилучшими пожеланиями,
Натаниэль Гардинер».

Садовник завернул посылку в бумагу. А кто ему Клайв? Так, никто, школьный товарищ.

Их пути разошлись, когда обоим было по двенадцать лет, родители Клайва разъехались, и мать, статная черноволосая женщина в оборочках и рюшах под горло, забрала его в столицу. Первый год мальчишки писали друг другу отчаянные письма («Где мой хозяин?» — спрашивает опустевший Элм-холл!), потом приятеля закинули на родину в летние каникулы. Он уже начал меняться, шарил глазами по неведомым горизонтам, запоем читал какую-то чертовщину, а во взгляде появилась нездешняя пресыщенность, которую легко было принять за пренебрежение. Это уже был не тот сосед по парте, с кем Натаниэль выдумывал тайный алфавит для записок, чтобы дразнить одноклассников (те отвечали вслух, обзывая неразлучную парочку «скелетонами»).

Натан по старой привычке навещал папашу Уильяма, помещика и композитора, спрашивал, не скучает ли его сынок по диким лесам и холодному морю. В пятнадцать Клайв приехал снова. Выстригся, озлился, носил подтяжки навыпуск, а отцовский пистолет (правда, заряженный холостыми) в кармане, так, чтобы прохожие видели. Курил ужасные папиросы, ненавидел весь мир, с ним было невозможно разговаривать. Предместье являло для него не уют, а торжество узколобой буржуазии. Ненависть к последней он сохранит на всю оставшуюся жизнь.

Однако видное бунтарство продлилось недолго. После школы К. поступил на отделение классической филологии в университет. Это все, что «мистер Гардинер», выращивающий уже тогда самые красивые розы в графстве на радость своим старикам, знал. Все забыли о Клайве до прошлой осени.

Там, на другой половине земли, он занялся писательством, куда-то путешествовал, наездами обитал в парижской мансарде сумасбродного дяди Джорджа, женился на скрипачке. А Натаниэль рассекал на велосипеде по зеленым окрестностям, рисовал пейзажики и баловался акварелями, как представитель своего ненавистного сословия выступал в защиту природных ресурсов на митингах.

Их совместное прошлое было ярче эпистолярного настоящего.

– Вчера сидел целый вечер один, Натан. Была тарелка овсяного печенья и эта запись, будто сквозь вселенную шла музыка... – по пути из классной комнаты К. никак не мог собраться с силами и самое важное выжимал между строк, не говоря прямо. – В общем, слушал снова и снова.

– И съел все печенье? – пошутил Гардинер. Приятель скорчил в ответ недоуменную гримасу, но промолчал.

Они набили карманы орехами, чтобы стреляться, когда надоест жевать, и отправились раскачиваться на привязанной к дубу веревке. Ребята разбегались с крыши заброшенного сарая, крепко вцепившись в веревку. Не прошло и четверти часа, как стоявший на земле К. потянул Натана за щиколотку:

– Пойдем. Они хватятся нас в школе.

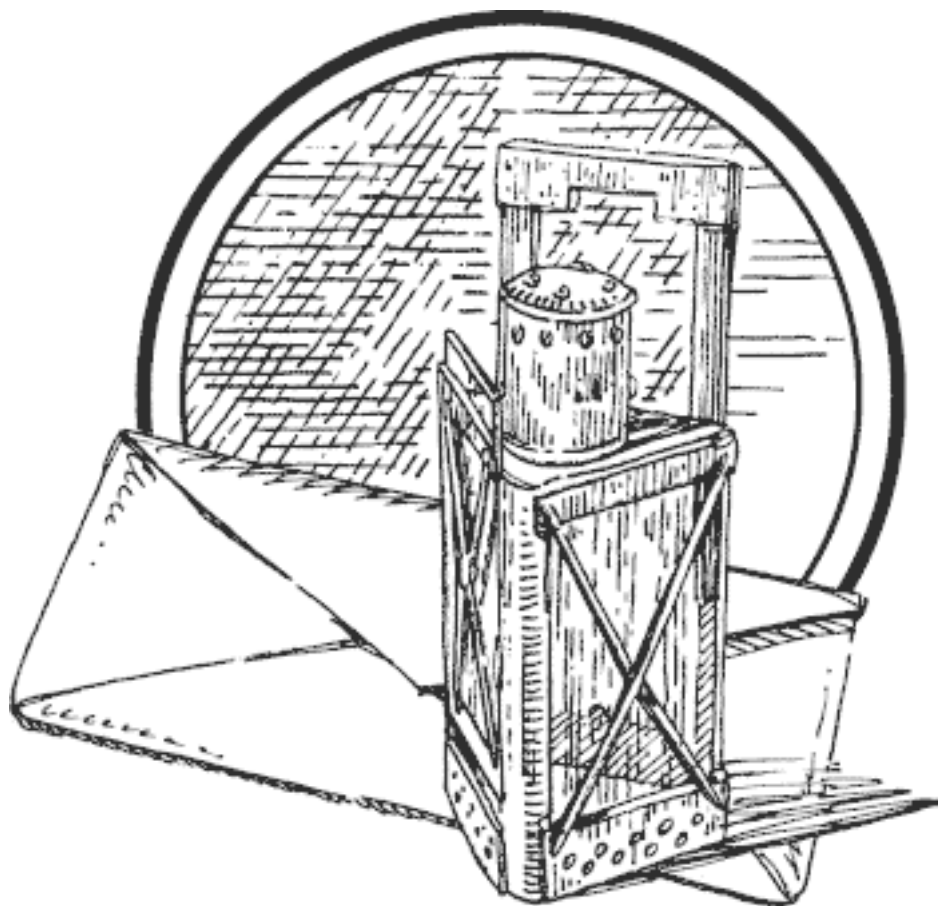
– Ты чего такой нетерпеливый сегодня?

Клайв снова смолчал.

«Такой же безответственный, как и его родители!» Конечно, мистер Селвин, пыльный неудачник с колокольчиком в морщинистой руке, учитель с характером полицейского инспектора, не мог простить отъезд миссис Эрншо в столицу, и распускал между семьями одноклассников сплетни о домашних Клайва (развод обеспечил их эмблемой скандальности в провинциальной тесноте). Фразу о безответственности К. слышал сам. С того самого момента мальчик принял тяжелое решение сторониться всех имеющих у него в школе приятелей, дабы не запятнать их созданной стараниями мистера Селвина репутацией. Сторониться и потихоньку ждать отъезда. Когда посещать школу стало совсем не вмоготу, мать Клайва, ссылаясь на мнимую инфлюэнцу у сына, оградила его от общества одиозных учителей на целый месяц. Выдержав часы занятий в школьном карауле, Натан отправлялся к симулянту в Элм-холл, и они вдвоем шли ловить сачком бабочек или удить рыбу. Он задира голову, крича на второй этаж, где скучающий друг сидел на щербатом подоконнике: «Эй, инфлюэнца, выходи!» Бывало, они выбирались на пикники, лёд, свернутый в одеяло, прятали под сиденье повозки, чтобы не испортились вкусы, любезно приготовленные стряпухой дома Эрншо. Тема школьных пересудов не поднималась.

С тех пор утекло много воды, но К. продолжал нещадно полосовать учителя в своих книгах, извращая фамилию Селвина. Гардинер всегда от души смеялся над эпизодами «Мистера Ренегата», где были зашифрованы их приключения за партой.

Натаниэль отнес послание на почту. Камышей на эспланаде разрослось вдоволь, красота, думал садовник, пружинистым шагом спускаясь по пригорку, на ходу жуя хрусткое яблоко. «Что же он делал, великий бог Пан, там, в камышах, за рекою?» – стихотворение Баррет Браунинг, тоже привет из школьных лет, давно стало его прогулочной песенкой. Ему было двадцать восемь, солнце сезонов набирало обороты; лучшие розы в графстве, всеобщее уважение; и почтальон в местном отделении, и помощник егеря, встретившийся на тропинке, и каждый житель городка величал его не иначе как «мистер Гардинер».

Глава 2

Сирень розовая

(значение: «**Будьте терпеливы**»)

*«Тигр, Тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?»².*
(У. Блейк)

Мерedit не выносил экстравагантность.

Нет, ведь можно быть приветливым, иметь собственные суждения, внятно их излагать и при этом не опускаться до тривиального позерства, не доставлять другим неприятностей.

Мерedit помадил бриллиантином белокурые волосы. Недавно ему исполнилось тридцать – подумаешь, пустяки. Что хочу, то и ворочу! «Перси – кулинар!» – подмигнул он собственному отражению. Никто не нарежет сыр аккуратнее, не сложит сэндвич с огурцом так, как в пьесе Оскара Уайльда. Ему нравилось готовить самостоятельно, поварское пристрастие делало его исключительно оригинальной персоной. Но не экстравагантной. Он гордился своими валлийскими корнями, золотой веснушчатостью, веселым нравом и общительностью. M'laddo красавчик. Выучился, устроился на государственную службу, подвизался на плодоносной политической ниве, обосновался серьезным чиновником. Настолько серьезным, что никто больше не звал его Перси, Артуром тем более, а кликали только Мерeditом;

² Перевод К. Бальмонта.

фамилия и должность значили больше, чем личность. «Перси – кулинар», – вновь одобрил он свои таланты, отодвигая пустую тарелку.

Вечеринки зазывали М., хватали за полы пальто, женщины висли у него на шее, всегда с именами в духе времени, вроде Вайолет или Эдит, хоть ни одна не могла выдержать на широком плечевом турнике долго. Тщетно пытаясь годами пристроить его в хорошие руки, родители завязали со сватовской деятельностью и предоставили наследника самому себе. За домашним хозяйством М. следил исправно, от службы не отлынивал, свободное время развлекался так, как подобает человеку его лет и положения, иногда срывался и немного хулиганил в портовых районах, но это было не всерьез. Средний класс, огромный и всевластный, устроивший технический прорыв в минувшем столетии и закоптивший сельский воздух заводами да шахтами, рудниками благополучия, обеспечил землевладельцу Мереду безбедное существование. В целом его дни протекали безукоризненно порядочно, и дворецкий каждое утро приносил проглаженную свежую газету, в которой чиновник жаждал найти предпосылки напрогноченной войны. Единственное, что могло испортить Перси настроение, так это обзор книжных новинок, нехоти вышедший именно сегодня в прессе. Мереди нервнo сглотнул.

Клайв Морган Эрншо. Когда-то он любил малого, опекал его и возился с ним в домике рыбака, обездвигив в покрывале, щекотал до припадков, но теперь эта колючка, скуластая и угловатая, ничего приятного в облике не осталось, вознамерилась превратить в ад всю выверенную до тонкостей жизнь. Он специально выискивал на самом дне преисподней мельчайшие, крамольные детали их детства, которое чиновник без того недолго любил и освещать которое вовсе не входило в его планы, и писал об этом – подумать только! – целые книги.

Мереди ненавидел экстравагантность, ему чужалось в ней неумение принять действительность, непризнанные ошибки, выпячиваемые напоказ под видом «особого мировоззрения». Запоздалое раскаяние и даже оголтелый нарциссизм. Он привел викария, когда Клайв только связался с компанией журналистов, но младший тогда уже не слушал ни духовника, ни самого Мереди. Все это дела давно минувших дней, вот только бы и К. умел позволять другим идти своей дорогой. Клайв не умел.

Университетским эскападам суждено остаться в прошлом, а прошлое не должно преследовать М. чересчур болтливой тенью одного графомана.

Жди, жди, пока я снизойду. У Королевских ворот заняты все экипажи. Тянутые сумерки туманного меридиана, черные стариковские лапы деревянных ветвей, обращенные в студеное небо. Мереди знает, что в садах и парках лихих людей хватает. Злодей (выражен как денди, с заиндевевшими серыми глазами, черными как смоль волосами и неизменной сигаретой во рту) строит козни, плетет интриги и все без оглядки выплескивает в печатные тексты, мстя за отказ терпеть всю жизнь общество его дутой интеллигенции рядом. Жди, жди, но я не вернусь к тебе больше.

* * *

Клайв женился на музыкантше.

Обсуждать новость было весело. Осьминожки щупальца погрузились в паутину справок и домыслов, родословных корневых систем, бабушкиных бальных книжек. Кто бы мог подумать, что этот себе на уме, слегка отстраненный юноша, чуткий к печатному слову, бахнет такой вот матримониальный салют? Погоди, шептались по углам, вот увидишь: он будет тиранить и изводить жену. Он от каждого мало-мальски значимого успеха костенеет высокомерным; носит запонки с черными агатами, будто невеста какая творческая личность!

Отточив перо на романах про гомеровского Аякса, закинутого в современность, К. наконец возмужал, скинул полностью с себя авангард и направил все силы на серьезную

литературу. Спустя три года рытъя в криптах соборов на континенте, он окончательно порвал с религией и вернулся с неплохим текстом. Роман выпустило заметное издательство, для Клайва это был прорыв.

Мередит, как уже говорилось, закончил юридический факультет, получил чиновничью должность, пошел на научную степень. «Какое счастье, что у нас нет общих знакомых!» – думали оба. И исчезали миражами воздушные шары, таял и погибал парк аттракционов, уходили в зазеркалье торжественные клятвы.

На заре человечества М. тасовал карточную колоду с нарисованными девицами: горничные, певички кабаре, акробатки под куполом цирка. Последних было много. Они с другом выбирали фавориток разных мастей.

– И тебе нравятся такие актрисульки? – Мередит вынул из колоды шестерку треф с десяткой червей.

Две облаченные в прозрачные платья танцовщицы, по крайней мере, в неге своих одеяний более остальных соответствовали образу принцессы для мальчика. Клайв, пожав плечами, подумал: «Зато твои похожи на шлюх, пусть и царственных», но промолчал. Разумеется, друг симпатизировал пиковой даме (черное платье с высоким разрезом, масляный взгляд исподлобья) и пиковому же тузу (имперские алые мантии на банной нагоде).

– Как будут звать твою невесту?

– Эрнестина. – Любимое имя Клайва из книг прошлого века открывалось белоснежным, филигранным и свежим.

– Эрнестина Эрншо?

– Тогда Кландестина, – подрастеряв уверенность, пришлось выдвинуть альтернативу.

– Кландестина и Клайв? Прелестно, черт возьми!

Родители Мередита сочетались браком в ненастье. Когда у них в Пайнс требовалось утихомирить К., сидевшего на табуретке и болтающего короткоштаннами ножками в воздухе, ему подсовывали свадебное фото уроженцев Уэльса, и он часами внимательно рассматривал дождевые кляксы в черно-белой проявке и новобрачных, трогательно жмущихся друг к другу под зонтиком.

* * *

По пути из садов друзья поссорились. М. тянул на танцы, в бильярдную, водил на дебаты и собрания молодежи, представлял полным именем, сопроводив гигантской длины вступлением о многолетнем героическом братстве. Пока не имея каблучных ботинок, возлюбленный трефовой шестерки топнул ногой на опушке леса. Не пойду! К. канючил и ныл, шумел в папоротниках и упрасивал остаться дома, отмыть лицо душистым мылом от походной пыли, почитать перед сном «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!»³, поиграть в шахматы. Когда аргументы иссякли, а жажда общества подгоняла М. вниз с горы, в приветствующий город, огни да огнива, пришлось изъяснить намерение вовсе заночевать в лесу, с места не сдвинуться, застыть скорбным изваянием, прибегнуть к финальному устрашающему аккорду:

– Ты не посмеешь оставить меня!

– Да? – вспыхнул Мередит. – Интересно, почему?

Потому что таков указ Клеопатры, царицы Верхнего и Нижнего Египта, наследницы фараонов! Увы, шуткой впредь дело не решишь. Глаза Клайва впервые замерцали опасными льдинками. Осмелев в угрозах, он терял дыхание, и четкое зрение, и контроль, но только не дар речи:

³ Гомер, «Илиада». Перевод Н. И. Гнедича.

– Что же ты иначе скажешь родителям?

Осознав права младшего, он не преминул ими воспользоваться, прибегнув к низкому шантажу. Вырастет в никчемную дрянь, семейного деспота, эгоиста.

И вот он вырос, и его больше не страшно оставить одного в лесу, в коварных папоротниках. Скорее всего, надо было так поступить и в тот раз. Можно подумать, у него был выбор! Странно замечать на фото: теперь К. здорово походил на своего отца. Дядя Уильям играл на пианино. Мередит занимался музыкой с гувернером-итальянцем и играл лучше друга в разы. Они бы с дядей Уильямом выгнали светлоглазика (можно подумать, у него был выбор!) дальше мусолить заветные карты (которые ему все равно не заполучить!) и играли бы на фортепиано вместе, в четыре руки, как взрослые. Взрослые, разбирающиеся в нотах, в партитурах. А Клайв пусть себе замороженно пялится под потолок, туда, где крепится капитель античной колонны, нарисованная на бумаге.

М. пыжился прослыть респектабельным и своим в доску одновременно, держал на полке классику равной с беллетристикой. Он широкой, когда-то пианистской ладонью хлопал себя по колену в ритме трех четвертей, в ритме вальса, и принимал как должное, и отторгал всей душой, и не думал вовсе, но напевал под нос:

*Клайв женился на музыкантише
(Можно подумать, у него был выбор!)*

*Клайв женился на музыкантише,
На трюкачке, на циркачке.*

* * *

Господа Мередит и Эрншо еще со времен студенческих попок высоко ценили охоту в девственных северных лесах. Их чада в таких случаях делили общую детскую, уже трещавшую по швам, с двумя заброшенными в углу игрушечными лошадками, гнедой и серой.

– Причешемся! – хлопнул в ладоши Перси. – Фермеры затеяли ярмарку. Пока старики заняты охотой, негоже, чтобы детки кисли без развлечений, верно? А так как я с тобой, – он выдержал театральную паузу, – то тебе тоже дозволено пойти!

Клайв измученно выдохнул, прямо фарфоровая кукла, и плюхнулся в кресло.

– Ну что такое? – М. утомляли перепады настроения.

– Надеюсь, мы переедем.

Сомнительная новость, подслушанная у родителей, подтвердилась, однако блондин сохранял невозмутимость и лишь вскользь поинтересовался:

– Разве не будешь скучать? Здесь такая природа, а берег меловых утесов чего стоит!

Вдруг К. показался очень изможденным, в нем уже проявлялся какой-то байронизм, который позже он что есть сил начнет лелеять и пестовать.

– Единственное, по чему тут стоит скучать, Мередит, это ты.

Но разве можно было его не любить?

– Иди сюда, давай, садись ко мне на колени, как тебе нравится. Бедный ребенок!

– Все свалилось сразу... Селвин, мерзавец, наговаривает на меня, занижает показатели успеваемости... Если провалю литературу, не видать мне на Пасху фонографа. После общего молебна Селвин грозился высечь меня розгами при всех в классе. Еще тот лягушатник... Разве может француз быть компетентен в разборе национальной поэзии? Мерзкий Левандо...

– Блевандо! – выпалил Перси.

Мальчишки прыснули со смеху. По-прежнему держа гребень, М. разворошил прическу школьного отщепенца.

– С кем ты общаешься?

– С теми же. Пол Штайн и Натан Гардинер. Сам знаешь, выбор невелик.

Услышав знакомые имена, Мередит поморщился: «Это несерьезно. Они ничего не понимают». Старшему уже довелось бывать в круге Клайва, и садовая голова Гардинера, «грабельки-удобрения-душистый горошек», спортсмен-любитель, мастеровивший чучела птиц, раздражал его сильнее остальных своей правильностью, какой-то несвойственной детям хладнокровной разумностью. Ничего-ничего, недолго одногодкам осталось вместе кататься на качелях. Пусть К. действительно скорее переедет, а там можно будет влиять на него через миссис Эрншо.

Когда отходил поезд в столицу, играли громкий марш.

Клайв всегда собирал чепуху. Швейные ножницы, миниатюрные книжечки с цитатами мудрецов, жемчужины рассыпавшегося мамочкиного ожерелья, выцветшие фотографии и пожелтевшие письма, открытки незнакомых городов.

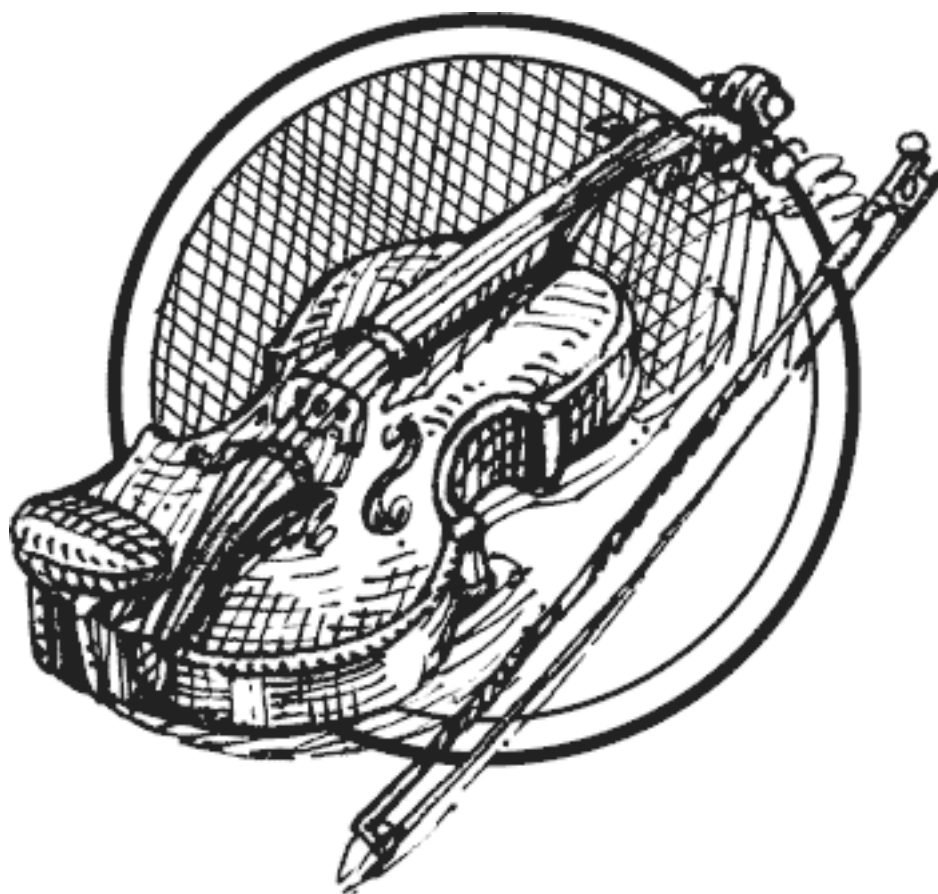
«Что он держит в своей шкатулке сейчас? – гадал Мередит. – Замаренные чернилами стихотворные каракули? Или, может быть, свои баснословные писательские гонорары? Или скрипичные струны да конский волос смычка – что там может понадобиться его даме?» Клайв женился на музыкантше, когда ему было двадцать, и проклятые женатики до сих пор были вместе.

(Мой) Клайв спал глубоким летаргическим сном в отдельной супружеской спальне, либо прерывистым в гостиничных комнатах, либо чутким на бежевом сиденье автомобиля, и, проснувшись, скидывал с себя (мои) липкие пальцы, длинные музыкальные щупальца, сердито бормоча: «Отстань, Перси, это же сон».

Он плелся в ванную, щуря заспанные подслеповатые глаза, и включал воду, и под воду располагал тяжелую непроветренную голову. Там М. цеплялся водой за его волосы фамильного цвета воронова крыла, и просачивался под кожу мутью поэзии, тягой к странствиям, тоской по изяществу.

Названный брат раскидывал по плечам мокрые полотенца, выжатые углами щупальцев, покуда призрачный выдуманный Перси мог хоть так его обнимать. А затем глядел на несуществующего Мередита, любовника пиковой дамы, рыжегривого львенка, рыцаря-кулинара; К. смотрел сквозь волны морские, сквозь стекло настенного зеркала и был безутешен:

– Я тебя не вижу.

Глава 3

Роза белая

(значение: «Тоска по любимому»)

– Пиши про детство, про студенчество, про карамель на палочке, только отстань, прошу тебя.

И поцелуй в лоб как награда.

Мег прижимает к упрямому подбородку корпус инструмента крепко, если она возьмется как следует, то не отпустит. Мег, она же Маргарет Эрншо, в девичестве Джусти, репетирует каждый божий день, пилит то плавно, как лодка едет, лаковое дерево, то остренько, комарики пляшут над ухом, крылатые скрипачата.

Ее муж сыплет в чай ворох засушенного травяного сбора. Кто-то прислал бандероль со штампом его покинутого предместья, вот и пьет теперь бурду в китайском сервизе (трофей, добытый симфоническим оркестром на гастролях). Лишь бы не мешал играть; пусть делает что хочет, только не лезет к музыке, думает Мег. Она уже выделила ему целый кабинет, между прочим, зал с отличной акустикой, К. трансформировал его в зал грязных кружек, пепельниц, раскиданных бумажек и письменного стола, на котором иногда не грех уснуть. Славная комната! Когда муж туда заходит, счастливый шиллинг, найденный в траве, сам крутится на ребрышке, а пасьянс «Английский сад» меняет карты местами, складывает воедино половинки цветов, давно увядших, и он попадает на десять лет назад, уже после переезда, но еще до Мег. В майский семестр.

* * *

Alma mater в цвету: мелкие беленькие, будто из салфеток, гнездящиеся на тонких веточках, распускающиеся осторожно, осмотрительно. Майский семестр поет птицами, шумит свежестью, волнуется зелеными переливами.

«Ты злоупотребляешь прилагательными».

«Если бы кто такое сказал!» – мечтает К., мается, трется о стену твидовым плечиком. Он скручивает в свиток распечатку «НеНовеллы Винограды», слив впечатлений от первого путешествия на континент, первого на неискушенные мозги авангарда. Жаль мять напечатанное, и папки нет, а весенний ветер порывисто покушается на стопку страниц новеллы, которая – внимание! – вовсе НЕ новелла, боже, вот это новаторский прием.

Во внутреннем дворе нежатся воспитанники университета. Их поведение и манера одеваться маркируют: «находится под сильным влиянием...» Слишком рафинированные, чтобы находиться под влиянием политики или общедоступной веры, они всегда вдохновляются драматургами, писателями, эссеистами. Желательно как можно менее известными: любой намек на достояние широкой публики умаляет ценность шедевра и унижает почитателей. К. тоже стыдится популярности создателей, хотя имеет привычку привязываться к книге или мелодии, в зерне примитивнейших, но колупать их на свой лад множественными толкованиями, одно волшебнее другого. Потом расстраиваться, что в оригинале вышло прозаичнее.

Античностью напихан читальный зал, античные статуи украшают холл, университетская книжная лавка называется «У кентавра». Беспокойной ночью в колледже услышишь возглас сокурсника, такого же желтушного зубрилы: «Почему это все не сгорело еще на табличках?»

Приятели, неизменно блеклые, кающиеся в неисправимом («Лучше было бы выбрать философию»), прилежные сатурнианские огородники, возделывают твой дикий сад в моменты слабости, когда ты выстиран и обессилен, и признаешь поражение: «Лучше было бы выбрать историю».

Приятель начнет обстоятельно доказывать твою неправоту, не находя в окаменелой, простодушной истории, похожей на собрание сказок, глубины, присущей лишь литературоведческим дисциплинам, великому бредохранилищу воды. К диплому приятель сам начнет тяготеть к истории, попутно увлекшись биржевыми сделками. Они, это свитерное окружение, могли бы слиться с тобой в удачный образ фиалок, дремлющих в парковых сумерках, либо безмятежного отрочества, где все равно чем-то вечно недоволен, однако ты не позволишь им. Их инстинкты не перепрыгивают через их характер. Ты никогда непустишь к себе золотые школьные пятерочки, похожие на Натана из детства, здравомыслящие и действительно, наяву с тобой разговаривающие, не дашь им подойти ближе твоих кустарниковых шипов – вдруг у этих рационалистов за спиной припрятаны садовые кусачи? А если кто из таких приятелей осмелится заметить: «Ты злоупотребляешь прилагательными!», то навек лишится твоей компании за оставляющим ободки на дне чаем, или в гулком амфитеатре аудитории, или во внутреннем дворе под слепящим майским солнцем.

* * *

Претенциозную с самого курсивного заглавия (К. выбирает шрифт дольше, чем набирает текст) пробу пера – «НеНовеллу Винограды», от которой на три корпуса разит демонстративным модерном, автор дарует М. ранее, а сейчас перечитывает с листа, пытаясь вообразить произведение глазами друга. Скажи же, что там многовато перечислений!

«Так много прилагательных. Но это серьезно. Серьезно!»

«Ты-то что понимаешь», – надменно вздыхает Клайв в ответ, предательски зардевшись. На твоих крючкотворских факультетах учат иному: тырхни актуальное знание в сегодня, воспользуйся методом! Прикладная чушь для барристеров. Всего за первый курс К. вымахивает на целую голову, и разбивает сердца, и гордо носит собственное разбитым – то патетически, то карикатурно. Прошедшей зимой К. сдает древнегреческую и древнеримскую, отрывками угадывая, таская в свою комнатенку в колледже истлевшие книжные корешки Эсхила с Софоклом, и ныне имеет право общаться на равных с другом, с доисторических времен декламировавшим гекзаметры «Илиады». С другом, приляпавшим под потолок нарисованную капитель античной колонны (ионический ордер ограничил способности М. рисованием завитушек).

«Стажируясь в прикладной чепухе, Мередиту не достичь академизма, знания наук о духе!» – про себя зубоскалит филолог. К. впервые перехватывает инициативу и теперь уже он издевается над суждениями и нарядами друга, неувлимо провинциальными. Клайву хотелось бы сохранять монохром, слегка оттеняясь в декорациях зелени, и только изумрудному цвету он дает добро, будь то ивы на берегу, зеленая муть озерной воды, плескавшейся под лодочными веслами. Нет, тебе надо все испортить и оскорбить меня пестротой, неотесанная деревенщина в античном мире.

Марк Аврелий, Марциал, что там еще есть на «М»? И я, придумай-ка мне красивое: Красс или Клавдий (лучше было бы Клавдий), или, возможно, носатые веселушки вроде Матильды с Клотильдой: стучающие башмаками марионетки Мод и Клод? Выбирай на свой вкус, которому не доверяю, но запоминаю вековыми печатями; не торопись; не торопи время на высоких волнах. Мы будем жить долго.

Последнее всегда обречено казаться великолепнейшим, рассыпаться сочной листвой, и они прибегают к изречениям доселе не слыханным и нелепым: «Я люблю тебя, сколько себя помню». – «А я люблю тебя еще с тех пор, когда тебя не было на свете!» Везде и всюду треплют о годах крепкого знакомства, хотя до недавних времен едва ли об этом задумывались. Пошлые знакомые М., как правило, женского пола, с именами вроде Эдит или Вайолет, слезятся. Сатурнианские приятели К. не выдерживают жестокой конкуренции и предпочитают держаться в тени, выжидая, когда К. прибежит за утешением.

Не знавшие прежде подобной прыти, выдержанные в дистанции двух дохлых усадеб да пары-тройки недель на каникулах, друзья иногда сбиваются, разговор неожиданно умирает, и они, чтобы не разорвать нить, не расцепиться, от безысходности начинают перечислять музыкальные номера, или любовные похождения, или маяки оставленной земли: шумные дубы, тисы на холмах.

Само детство еще не отошло в такое небытие, чтобы разбирать его по породам деревьев и карточным играм. Гипноз качающимся одуванчиком в сетчатом гамаке в углу сада. «К» как имя «Клео» – египетские глаза рисовались углем, тоги вились из простыней, завязывались сандалии; Марк Антоний и Клеопатра – где-то сохранились фотографии. Они пока лежат спокойно и ненужно, отдыхают перед грядущими разрезами на письменном операционном столе, под изумрудом библиотечной лампы. Оно пока еще не вызрело в нарыв, который нужно будет каждый раз расчесывать заново, соразмерно заживлению. Оно еще не стало больше их самих, не превратилось в творческую силу одного и биографический отрезок другого, не оформилось хронологическими скобами. Приязнь наберет ход и потечет по улицам расплавленным свинцом церковных шпилей Чипсайда в Большом лондонском пожаре; потом похолодает; потом К. будет скакать на чтения поэтов-экспрессионистов, выделяться на семинарах, полировать в себе интеллигента, печатать вздор и в каждом поперечном находить отражение искомого, и на каждого встречного придумывать ряд толкований, одно волшебнее другого, а потом расстраиваться, что в оригинале было прозаичнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.